

УДК 130.2:32

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И МЕТАФОРИЧНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Ан.А. Корниенко, А.А. Корниенко

Томский политехнический университет
E-mail: anna_kornienko@mail.ru*Обсуждается возможность получения объективного научного знания на основе результатов дискурсного анализа социокультурно обусловленных суждений-метафор учёных о предмете исследования.***Ключевые слова:***Контекст, дискурс, анализ, интерпретация, знание.***Key words:***Context, discourse, analysis, interpretation, knowledge.*

Одной из исследовательских программ социологии науки социально-конструктивистского направления является программа интерпретивной социологии науки, в том числе когнитивная программа «Социальных исследований науки», выбравшая предметом для своего анализа социальные обстоятельства становления и утверждения когнитивных структур науки.

Проблема становления и утверждения когнитивных структур науки актуальна сегодня не столько для изучения истории становления науки, сколько для исследования развития современной науки, учитывая, что открываются новые предметные области и направления исследований, где всё начинается с начала. Чрезвычайно важное значение решение означенной проблемы имеет для такой отрасли знания, как интеллектуальные информационные системы, создаваемые для работы в неисследованных предметных областях. Поэтому методология «Социальных исследований науки», несомненно, всё ещё представляет значительный интерес.

В 80–90-е гг. XX в. М. Малкей и Дж. Гилберт в рамках когнитивной программы «Социальные исследования науки» представили направление, в русле которого формируются социально-конструктивистские модели развития науки, направление исследования становления и утверждения когнитивных структур науки, получившее название «дискурс-анализ» (от англ. *discourse* – речь, рассуждение, лекция), предполагающее изучение самых разнообразных форм дискурса, посредством которых учёные имеют возможность выражать свои суждения по поводу того или иного постулата. Изучение этих разнообразных форм выражения суждений учёных имеет целью построение так называемого интерпретационного контекста воспроизводства научной истины. М. Малкей полагает, что этот метод описания интерпретационного контекста опирается на два «базисных репертуара»: «эмпирический» (на основе стандартной концепции науки) и «условный» (на основе изучения суждений учёных, проявивших себя в различных случаях неформального общения).

Дискурсный процесс – это любые, принятые в научном сообществе, формы выражения суждений учёных (интервью, публикации, сообщения,

беседы, изобразительные средства и т. п.). В традиции дискурсного анализа работают М. Малкей, Дж. Гилберт, Ф. Бартон, П. Карлен, М. Коулгард, Д. Брэзил, развиваются различные направления дискурсного анализа (в социологии науки, в социолингвистике, в социокультурном направлении). Работающие в русле методологии дискурс-анализа исследователи исходят из того, что социальный мир науки чрезвычайно многосторонен, и, следовательно, есть необходимость изучить на эмпирическом основании методы, посредством которых складывается коллегиальное мнение учёных о предмете научного исследования. Пытаясь преодолеть это многообразие, М. Малкей и Дж. Гилберт надеялись, что «...в этой разногласии можно выявить определённые интерпретационные правила, если только найти должный аналитический подход» [1. С. 239]. Поиск адекватных социологических моделей развития науки требует изучения всего многообразия типов интерпретации в диапазонах эмпирического и условного репертуаров интерпретации. При этом предполагается, что существуют воспроизводимые формы интерпретации, которые можно выявить, описать и документально подтвердить. Разрабатывая методологию дискурс-анализа, М. Малкей и Дж. Гилберт стремятся также расширительно толковать сферу его применения, что, видимо, уместно как следующий шаг после завершения микросоциологических исследований процесса развития науки предметной области.

М. Малкей и Дж. Гилберт вводят понятие «когнитивный консенсус», означающее наличие коллективного согласия по поводу научных положений и выводов, позволяющее избежать абсолютизации обусловленных контекстом частных интерпретаций. Степень когнитивного консенсуса в конкретный период может быть различной, поэтому «...внимание исследователей должно быть направлено на те увязанные с контекстом методы, посредством которых участники создают коллективные мнения о наличии либо отсутствии консенсуса» [1. С. 240]. Такой подход, по мнению М. Малкея и Дж. Гилберта, создаёт предпосылки для качественно нового интерпретационного анализа «коллективного мнения в науке».

По мнению М. Малкея и Дж. Гилберта, изобразительные версии научных взглядов и вербальные интерпретации учёных к изображениям также обусловлены интерпретационным контекстом. «Источником таких интерпретаций, – полагают М. Малкей и Дж. Гилберт, – являются реалистическая и фантастическая концепции изобразительного выражения, сходные с эмпиристским и условным репертуарами, которые используются учёными при описании действий и взглядов» [1. С. 241].

Метод дискурс-анализа обычно применим к историко-научному материалу, представляющему собой обзор сделанного ранее, позволяющего понять обстоятельства становления и утверждения когнитивных структур нового научного знания в конкретном социокультурном контексте. При этом важно учитывать, что действующие лица с течением времени заново интерпретируют то же самое под влиянием изменяющихся обстоятельств: «...значение каждой новой ситуации отчасти определяется новыми интерпретациями, которые дают участники тому, что они делали в прошлом» [1. С. 21].

Сторонники дискурсного анализа рассматривают суждения учёных как объект исследования, учитывая при этом, что высказывания учёных весьма вариabельны и слишком обусловлены контекстом. Поэтому приверженцы дискурсного анализа не стремятся сразу искать ответ на вопрос: «Как из вариативных суждений учёных исследователь может вывести завершённую версию их мнений?», поскольку на данном этапе методологически гораздо более значимым является ответ на вопрос: «Как социально мотивируются суждения учёных о тех или иных действиях или взглядах?» [1. С. 27]. Только выяснив, чем обусловлено и мотивировано каждое суждение, можно будет строить предположения о завершающей версии их коллективного мнения. Поэтому, учитывая вариabельность интерпретационных приёмов, «дискурсный анализ является попыткой идентифицировать и описать повторяемость методов, используемых участниками в процессе взаимодействия, в ходе которого они вырабатывают суждения относительно характера их действий и взглядов» [1. С. 27].

Таким образом, конечная цель методолога должна состоять не в том, чтобы реконструировать уже свершившееся по информации, доставляемой учёными, а в том, чтобы выявить модели взглядов и суждений, которым следуют учёные, а также в том, чтобы изучить феномен коллективности в науке, проявляющий себя в процессе поиска завершающей версии их коллективного мнения.

Повествования учёных, как правило, содержат социально мотивированные оценки действий и взглядов, выведенные на основе определённых репертуаров социальной интерпретации, и альтернативного – условного (определяемого личностными качествами учёного). Как можно идентифицировать названные основные интерпретационные репертуары в высказываниях учёных? Различные контексты высказываний представляют собой определённые образцы, с которыми соотносятся,

несмотря на вариabельность, различные дискурсные формы. Причём, М. Малкей, Дж. Гилберт, Д. Брэзил, Ф. Бартон, Г. Коллинз под социальным контекстом понимают не только нечто внешнее по отношению к высказываниям учёных, но и зависимое от самих высказываний. Значение же составляющих контекста реализуется путём отбора значений из числа потенциально присутствующих в языке.

Изучение дискурсных форм в рамках «социальных исследований науки» открывает новые возможности глубже понять явление коллективности в науке, в частности, такой феномен, как «научный консенсус». Учитывая высокую вариabельность мнений учёных, М. Малкей считает, что в русле социологического анализа невозможно точно установить степень консенсуса. «Скорее можно говорить о том, что для данной области характерны различные градации консенсуса, варьирующие в зависимости от суждений тех, кто специализируется в ней ... В центре нашего внимания не эти чрезвычайно изменчивые суждения сами по себе, а регулярно повторяющиеся интерпретационные приёмы, посредством которых в зависимости от контекста вырабатываются такие символические продукты, как мнения о консенсусе» [1. С. 181]. Систематическую сводку публикаций по этим вопросам можно найти в [2].

Поэтому цель социолога, изучающего процессы формирования суждений, состоит, прежде всего, в том, чтобы выявить постоянно используемые в практике исследовательского сообщества коллективные культурные ресурсы, характеризующиеся регулярной повторяемостью. Причём, в качестве дискурсных форм рассматриваются не только вербальные формы, но и различный изобразительный материал (таблицы, графики, рисунки, диаграммы, фотографии, электронные изобразительные формы и т. п.). Выявлены также достаточно очевидные формальные характеристики рисунков учёных (связь с научными концепциями, интерпретационная вариabельность, взаимозависимость визуальных и вербальных текстов, контекстная вариabельность, неявность смыслового содержания и др.). Юмор в качестве характеристики научной культуры тоже заслуживает внимания как объект дискурсного анализа, поскольку «приёмы, с помощью которых участники достигают в своих высказываниях комического эффекта, являются просто одним из проявлений их способности строить разные интерпретации своей социальной среды» [1. С. 238].

Социальный мир науки многомерен, но исследовательская деятельность учёного двунаправлена: учёный изучает явление – учёный излагает результат своих поисков научному сообществу в разнообразных дискурсных формах, чтобы в конечном счёте достичь «когнитивного консенсуса». Дискурсный же анализ предназначен для того, чтобы понять феномен коллективности через восприятие открытия научным сообществом, определить вектор научного направления, представить научное сообщество как многомерную реальность.

Предметом западной социологии науки длительное время был анализ социального института науки, фактуальная же сторона научной деятельности социологией науки не изучалась. Между тем, как отмечают А.Н. Шамин и Б.Г. Юдин в приложении к [1], научная деятельность имеет два измерения: когнитивное (взаимодействие учёного с объектами исследования) и социальное (взаимодействие учёного с коллегами по научному сообществу и с другими окружающими социальными системами). Отношения с коллегами регламентируются принятой в научном сообществе системой ценностей, норм и установок, выступающих в качестве этоса науки, который и обеспечивает возможность когнитивного отношения к реальности и накопления удостоверенного, обоснованного и признанного научным сообществом научного знания [1. С. 258].

С появлением «социальных исследований науки» как направления когнитивной социологии науки, ситуация, когда социология науки ориентировалась на «романтический сциентизм» (термин Ю. Хабермаса), сменилась скептицизмом в отношении неопозитивизма и ниспровержением его концептуальных ценностей. В этом смысле примечательно, что в пределах «социальных исследований науки» проявился интерес к критике позитивистского подхода к науке, а конвенционалистские и релятивистские характеристики научного знания, проявившиеся в постпозитивизме, напротив, берутся «социальными исследованиями науки» на вооружение. Более того, забота об истинности получаемого научного знания объявляется псевдопроблемой для данного направления. (Впрочем, это не удивительно, поскольку на западе «социальные исследования науки» характеризуются как «социология науки» с добавлением таких эпитетов, как «когнитивная», «конструктивистская», «интерпретивная», «релятивистская»).

Т. Кун в своих исследованиях [3] показал закономерность чередования в развитии науки периодов эволюционных и революционных изменений, которым сопутствуют изменения норм научной деятельности и характера продуцируемого научного знания. Эти исследования вывели социологию науки на новый уровень, на котором принимается в качестве естественной связь содержания научного знания как продукта научной деятельности и существующих норм по его производству. Исследование взаимосвязи между социологической спецификой условий деятельности учёных конкретных научных сообществ и содержательной стороной производимого ими научного знания становится основной задачей когнитивной социологии науки, в русле которой и образуется такое течение как «социальные исследования науки», которому, отметим, также не чужды идеи феноменологической философии и социологии (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман) с их тезисом о социально конструируемой и реконструируемой реальности. Воздействие социологии знания на западноевропейскую социологию науки

проявилось и во влиянии идей М. Вебера, К. Маннгейма, М. Шелера, Э. Дюркгейма, В. Штарка на концептуальную структуру «социальных исследований науки». Прежде всего это идеи социальной обусловленности научного познания, обусловленности социальной позицией субъекта познания фактуального содержания науки.

Для разрешения назревших вопросов нам представляется весьма перспективной идея «языковых игр» позднего Л. Витгенштейна. Б.Г. Юдин и А.Н. Шамин в приложении к [1] замечают по этому поводу: «...Каждая «языковая игра» характеризует соответствующую ей форму жизни, особую сферу человеческой деятельности. Будучи каждый раз особым сплавом речи и действия, каждая языковая игра регламентирует употребление и значение используемых в ней языковых средств. В рамках социальных исследований науки эти идеи используются для обоснования тезиса о социальной обусловленности любых, в том числе и научных, понятийных структур» [1. С. 261].

Мы полагаем, что существующие сегодня социологические концепции науки в преобладающем числе можно отнести к социально-конструктивистскому направлению. Эмпирический материал в начале исследования нового феномена воспринимается исследователями в контексте накопленного сообществом социально обусловленного научного знания. Если накопленного научным сообществом массива научного знания оказывается недостаточно для описания нового феномена, единственным способом его осмысления остаются «языковые игры». Продуктами «языковых игр», мы полагаем, являются вербальные метафорические модели феномена, в которых его наиболее существенные черты представлены аналогичными по смыслу словами, имеющимися в языке научного сообщества. Каковы бы ни были модели-метафоры, они доступны пониманию каждого учёного научного сообщества, усвоившего язык и культуру мышления этого сообщества. Вербальные же образы феномена — вполне приемлемый объект для применения методологии дискурсного анализа.

Поэтому конструктивистские процедуры, в которых учёные интерпретируют эмпирические данные в соответствии со своими взглядами и предпочтениями, становятся доминирующими в производстве научного знания. В связи с этим Б.Г. Юдин и А.Н. Шамин в приложении к [1] отмечают: «Любое доступное наблюдению действие учёного понимается в качестве социального действия, смысл которого может быть выявлен лишь в его ориентированности на установки и ожидания других действующих лиц. эмпирического и условный репертуары, описываемые Дж. Гилбертом и М. Малкеем, выступают как два ряда социально заданных ориентиров, определяющих формы и смысл действий и воззрений учёных» [1. С. 262]. Таким образом, эмпирического и условный репертуары Дж. Гилберта и М. Малкея социально регламентируют процесс конструирования спектра ме-

тафорических моделей, не противоречащих эмпирическому материалу, но ориентированных на установки и ожидания действующих лиц научного сообщества. Метафорический характер продуцируемых моделей лишь облегчает устранение разногласий и формирование единого мнения действующих лиц учёного сообщества (благодаря свойству транзитивности отношения подобия, на основе которого создаются модели-метафоры исследуемого феномена).

Характеризуя доминирующую методологическую ориентацию «социальных исследований науки», видимо, прежде всего, надо обратить внимание на её релятивизм, выражающийся в требовании беспристрастного отношения к такому аспекту научного знания, как его истинность или ложность; проблема истинностной оценки воззрений учёных, как и продуцируемого ими научного знания, не должна быть в сфере внимания социолога, осуществляющего микросоциологическое исследование, что характеризует методологическую позицию «социальных исследований науки» как интерналистскую, ориентированную лишь на «внутреннюю» практику науки. Социолога больше должно интересовать, «как» учёные действуют и говорят о своих действиях, интерпретируя ситуацию в науке в рамках эмпирического и условного репертуаров, нежели «почему» они действуют именно таким образом, принимая свою конструктивистскую точку зрения.

Такой методологический подход, на наш взгляд, может быть вполне адекватен, если его не абсолютизировать как единственно возможный и окончательный, а рассматривать как этап формирования множества возможных альтернативных суждений о том, как следует воспринимать и понимать сложившуюся в науке проблемную ситуацию. Применение подобной методологии имеет место не только в социологии науки, но и в практике решения конкретных сложных проблем: при создании исходных (экспертных) баз знания, когда фиксируется только «что» делается и «как» и лишь затем выясняется «почему»; при использовании так называемого метода «мозгового штурма», когда для формирования как можно более широкого множе-

ства альтернативных суждений о проблеме и способах её решения фактически проводятся «языковые игры».

Свидетельством несогласия с положениями методологии «социальных исследований науки» стало появление ряда исследовательских программ, альтернативных дискурсивному анализу: программа «теория интересов» (Эдинбургский университет) направлена на доказательство постулата о том, что смена научных концепций происходит вследствие эволюции интересов социальных групп; программа «полнокровного релятивизма» ориентирована на поиск способа ограничения дискуссий для их разрешения победой одной из сторон [4]; программа «этнографического исследования науки» использует внедрение социолога в научное сообщество для изучения процесса рождения теоретической интерпретации эмпирического материала. Отмеченные программы представляют собой определённый выход за пределы дискурсивного анализа. Однако, пока социолог будет располагать лишь версиями-интерпретациями реальных событий в науке, реконструкция эволюции науки и в рамках названных направлений тоже невозможна,

Что касается динамики науки, то культурные ресурсы научного сообщества, на наш взгляд, действительно являются доминантой, определяющей содержание научной теории эволюции науки, а фактуальное содержание теории обусловлено языком наблюдения, при этом «когнитивный консенсус» детерминирует характер интерпретаций. Однако абсолютизация отмеченного социокультурного контекста всё же неприемлема, поскольку культурные ресурсы, определяющие содержание научных теорий, сами детерминированы познаваемой реальностью. Поэтому нам представляется, что когнитивный смысл научной теории первоначально заключён в интерпретациях-метафорах, порождаемых на основе культурных ресурсов в рамках репертуара эмпирического и условного репертуаров, желаемый же «когнитивный консенсус» достигается посредством дискуссий по поводу интерпретаций-метафор, завершающихся оформлением научной теории путём демегафоризации согласованной в дискуссиях интерпретации-метафоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры (социологический анализ высказываний учёных). – М.: Наука, 1987. – 224 с.
2. Малкей М. Наука и социология знания. – М.: Наука, 1983. – 212 с.

3. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
4. Mulkay M. Action and belief or scientific discourse? A possible way of ending intellectual vassalage in social studies of science // *Philosophy of the Social Sciences*. – 1981. – V. 11. – P. 163–171.

Поступила 31.10.2011 г.